

цательные результаты некоторых референдумов, в частности по вопросу об использовании атомной энергии в Австрии.

Некоторый отрицательный опыт первичных технических решений указывает на необходимость действовать более осторожно и осмотрительно, не торопиться, иногда даже откладывать принципиальные решения. Проблема заключается в том, что такие первичные технические решения (примером может служить расширение объемов тяжелой промышленности в Чехословакии в 50-е годы) являются отправной точкой для ряда последующих шагов или тенденций технического развития, которые потом очень трудно изменить.

Если выбрана определенная линия развития, дальнейшее разветвление возможно лишь в ограниченном диапазоне направлений. Невозможно вернуться к другим линиям. Однако использование биологических метафор, как отмечал профессор Ж.-Ж. Саломон, также означает, что выбранный путь влечет за собой не только технико-экономические, но и социальные и экологические последствия, создавая определенные сферы интересов, лобби, которые стремятся отстоять выбранное направление даже тогда, когда первоначальный путь уже воспринимается как тормоз, как нечто приведшее к высоким материальным и энергетическим затратам, к ухудшению окружающей среды и т. д. Очевидно, нет необходимости искать примеры этих биологических метафор далеко за пределами нашей страны: тенденции экстенсивного развития, «стальная концепция» политики капиталовложений подверглись критическому анализу уже в середине 60-х годов. В то время можно было слышать призывы к «интенсификации», «электронизации» и т. д. Тем не менее выбранный ранее путь, этот «ушедший поезд», образно говоря, шел в первоначальном направлении. Аналогичные примеры можно найти и в других областях техники, где в выборе элементов, методов и управленческих структур проявилась и все еще проявляется высокая степень инерции.

В целом преодоление таких инерционных процессов нелегкое дело. Подходы, позволяющие преодолеть их, по-разному рассматриваются, с одной стороны, специалистами (независимо от того, занимаются ли они исследованиями и разработкой новых технических систем, управлением, планированием и конструированием технических нововведений и новых капиталовложений или же участвуют в системных оценках предлагаемых альтернативных решений), а с другой — гражданами, не являющимися специалистами в данных технических дисциплинах. Что касается специалистов (сюда относятся, естественно, и сфера управления, компетентные органы власти и институты), то для них могут быть сформулированы следующие требования: хорошее знание главных результатов технико-технологического развития в мире; прямые связи с так называемыми «нововведенческими кластерами», т. е. группами, которые стимулируют исследования, разработку и применение новых технологий; хорошее знание первых результатов практического применения, включая **потенциальный риск, опасности, ограничения и т. д.**

Нельзя предположить, что широкая общественность будет подробно изучать научные отчеты, анализировать их и проектную документацию или же сообщать результаты системных оценок. Однако такие отчеты и материалы, пусть в сокращенном и легком для понимания виде, должны быть доступны. И если общественность должно интересовать то, что будет построено, каково будет направление программы капиталовложений, необходимо разбудить ее интерес, преодолеть безразличие, незаинтересованность и мнение, что решение по существенным проблемам предлагаемых программ в любом случае принимается без нее, что она не несет ответственности за принятые решения. В этом смысле преодолеть застарелую инерцию, традиционные процедуры абсолютно полновластного, директивного и монопольного принятия решений «сверху», которые к тому же многими воспринимаются как нормальные, поскольку существующая ситуация для них удобнее или позволяет ни за что не отвечать, вероятно, будет значительно труднее, чем преодолеть инерцию профессиональных кругов. Повторение ло-

зунгов и деклараций едва ли будет полезным также и потому, что периодическое возрождение некоторых из этих лозунгов на протяжении долгого времени не принесло никакого реального эффекта. Выражение «демократизация политики капиталовложений» также может выродиться в такой лозунг, если дело ограничится повторением деклараций без изменения существующей практики принятия решения и управления. Таким образом, мы можем завершить статью исторической аналогией: если древние римляне говорили: «Caveant consules ne quid res publica detrimenti cariat» («Пусть консулы будут бдительны, чтобы республика не понесла какого-либо урона»), то сегодня мы должны добавить consules et cives (консулы и граждане).

Г. М. ТАВРИЗЯН

«ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ» И ФИЛОСОФИЯ

«„Круглый стол“ по философии техники», «Философы техники за „круглым столом“» — сообщения об этих встречах, заголовки этих сообщений становятся все более привычными и, по-видимому, сами по себе (в отличие от обсуждаемых на встречах проблем) вопросов не вызывают. Все же хотелось бы нарушить эту традицию и на миг задаться вопросом: кто же за «круглым столом»? Философы? «Техники»? Где перевес в этом, довольно странном для здравого смысла, словосочетании — «философия техники» (если эти разнопорядковые понятия вообще возможно сочетать), и с чем может прийти, о чем может запрашивать «философ техники», если, конечно, он не сосредоточен на вопросах методологии технических наук, системотехники, специфики технического знания, инженерной деятельности, т. е. на проблемах, «имманентных» сфере технического? Говорить о значении собственно философии для текущего успешного развития техники, для внедрения технологических инноваций, разумеется, не приходится — все и так функционирует.

Действительно, обсуждаемые на «круглых столах» проблемы являются в подавляющем большинстве своем проблемами технического знания, инженерной деятельности, и рамки дискуссий совпадают с рамками данной проблематики¹. Что же тогда привнесла в понимание связанных с технической цивилизацией проблем традиционная философия? Ведь многие мысли по этому поводу таких далеких от профессионального занятия техническими дисциплинами философов XX в., как М. Хайдеггер, Г. Маркузе и др., произвели буквально революцию в умах, оказывая подчас огромное влияние на мировоззрение многих (в этом сказывается «традиционная» функция философии), в том числе и выдающихся деятелей науки.

В то же время философия существует — со своим **собственным** опытом осмысления феномена технического прогресса и феномена техники, со своим мышлением и языком, со своим **нетехническим** подходом к проблемам техники и, конечно, с неизбежным **критическим** обобщением исторического опыта развития тех-

© Г. М. Тавризян

¹ Констатируя это, я вовсе не хочу тем самым представить узким диапазон социальных и мировоззренческих проблем, волнующих представителей «философии техники» как специальной дисциплины. Ни один специалист не мыслит сейчас изучения проблем технического прогресса без постоянного внимания к проблемам экологии, к социальным последствиям. Все же проблемы эти непосредственно привязаны к технopolитике. Это еще не философия, так же, как, на наш взгляд, профессиональная мораль, о которой в настоящее время так много говорят и пишут, при всей своей необходимости пока не столько мораль, сколько регламентация. Не может существовать отдельно взятой области морали независимо от уровня моральных представлений общества.

ники — «в мире» где-то за пределами профессиональных дискуссий, аутсайдером относительно широкого круга специалистов, представителей «философии техники».

Таково сегодня реальное «соотношение сил» за «круглым столом» бесед о технике. Да не покажется читателю подобная картина схематизацией: во многих работах представителей современной философии техники укоренилось обыкновение делить авторов, вошедших в историю философской литературы о технике, по профессиональному признаку: на представителей технической интеллигенции и философов. Нередко это — основание для постановки вопроса о правомочности либо неправомочности того или другого типа рефлексии. В книге проф. Г. Рополя [1] они определяются далее как специалисты, эксперты, в одном случае, и «непосвященные» (а точнее — «профаны»: именно таково значение немецкого слова «Laie») — в другом. Здесь есть вещи совершенно очевидные, есть безусловная правота, если дело касается конкретизации технополитики либо других специальных задач. Но так же можно утверждать, что если инженер «профессионален» в технике, то в философии — составной части данного словосочетания — «профессионален» философ. В указанной выше постановке вопроса, в отклонении свойственных философии «абстракций», ее слишком «общих» понятий, «слишком общей» критики техники («rauschale Technikkritik») трудно не видеть редуцирования сферы **собственно философии**: ее задач, методов, языка, ее права и потребности в обобщении, «спекуляции», ее права и потребности в «критике».

Отношение к гуманитарной традиции философии неоднозначно, однако большей частью откровенно негативно (если только она принимается в расчет вообще). В известной работе Г. Хортледера «Образ инженера в обществе» (1970) это размежевание, неприятие сформулированы очень четко. Хортледер резко критически относится к тому обстоятельству, что в послевоенные годы на методологических семинарах «Союза немецких инженеров» (VDI) избираются антропологические либо этические темы для философских дискуссий, высказывается против использования в контексте философии техники таких абстракций, как «благо», «человек» и т. п. Он напоминает, что оперирование этими понятиями восходит к носящим одинаковое название трудам О. Шпенглера и Н. Бердяева «Человек и техника»; сейчас же эти термины заимствуются в целях «моральной реабилитации» техники. Эти понятия, утверждает Хортледер, «давно покрылись бы патиной, если бы не сами инженеры, которые оказались пойманными в ценностную систему противника» и стали в многочисленных дискуссиях предпринимать ненужные попытки оправдаться с их помощью [2, с. 89]. Конечно, у подобного негативного отношения есть в данном случае историческое обоснование: это долгое преобладание в немецкой культуре филологической, гуманитарной традиции, отсутствие престижа инженерной, технической деятельности², власть над умами романтического культуркритицизма, модной пессимистической «диагностики эпохи» в философской литературе XX в.

Словом, действительно, было достаточно оснований для требования, с которым, также в начале 70-х годов, обратился один из лидеров новой западногерманской «философии техники» А. Хунинг: «в философском разговоре о технике предоставить слово и самой технике, в качестве рупора которой всегда должен быть опрошен и выслушан инженер» [3, с. 1—2]. Тем более, что это условие — «обратить внимание на сами вещи, о которых идет речь», он выдвинул одновременно с идеей установления диалога с марксистами по философии техники.

² Еще О. Шпенглер сетовал по этому поводу, едко высмеивая «умы, блуждающие в филологическом тумане». Конечно, с точки зрения современной «философии техники», сам Шпенглер — один из самых беспочвенных мечтателей, реакционных фантазеров, представителей «умозрительной» философии. Однако по мере того, как явственно дают о себе знать отрицательные эпифеномены интенсивного технического развития, мы все менее склонны видеть в проницательных идеях многих мыслителей XX в. (и не только XX в.) и их предостережениях только лишь «романтические спекуляции».

Здесь западногерманский ученый, очевидно, имел в виду и помехи в диалоге, создаваемые рядом философских и идеологических догм противоположной стороны.

Однако если в контексте вкратце охарактеризованной культурно-исторической ситуации «дать слово технике, инженеру» — понятное требование, то применительно к нашей действительности труднее объяснить, почему философии — при недавнем засилии обществоведческих и псевдогуманитарных дисциплин — приходится просить слова (философии, какова она есть по своей недогматической сути). Чтобы не сказать — стоять с протянутой рукой.

Здесь также надо обратиться к истории. Уже с 30-х годов в технократическом по существу «громადье планов» речи о человеке, реальном индивиду быть не могло, он был несоизмерим с самой концепцией индустриализма, продолжения экстенсивного промышленного развития предыдущего столетия (того, что Л. Мэмфорд звал «рудниковой цивилизацией»). Неотъемлемое от идеи социализма понятие человека сохранялось как символ, выражение той же гигантомании, ибо ведь должно же было существовать в идеальном плане нечто, чему была бы «коррелятивна» технократическая, псевдосоциальная абстракция — «всесоюзная стройка». То, что создавало видимый противовес западному индустриализму и технократизму «несоциалистического» образца, было не философией человека, а идеологией, бесконечно манипулирующей понятием человека³.

Конечно, может возникнуть вопрос: как возможно, особенно учитывая сегодняшнюю неудовлетворительную ситуацию с техникой, новейшей технологией, уровнем научно-технического прогресса во многих отраслях хозяйства, говорить об отечественной «технократии». Действительно, проф. Г. Рополь в ответ на один из вопросов на настоящем симпозиуме замялся и, словно извиняясь, сказал: «на Западе больше техники». Однако можно не во всем выйти на уровень и темпы современного технического прогресса и при этом широко усвоить технократическую идеологию и укрепить каркас технобюрократии, поскольку в прогрессе науки и техники действительно заключен очень мощный момент политической легитимации. В целом же в современном мире интеллектуальный климат более чем «технократичен», и ответ на вопрос, за кем в этом многолетнем диспуте слово, пока что представляется однозначным.

Философия техники предполагает, на наш взгляд, осмысление проблемы техники как продукта человеческой цивилизации во всемирно-историческом масштабе процессов культуры. Именно в этом русле развивались — в тесной связи с философией истории, философской антропологией, философией культуры, онтологией либо социальной теорией — взгляды на технику, концепции технического прогресса О. Шпенглера, Л. Мэмфорда, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Г. Маркузе, Э. Блоха и др. Я позволю себе не согласиться с утверждением уважаемого проф. Г. Рополя о том, что эти мыслители говорили о технике «бегло и непоследовательно и в литературе и в умах по существу не оставили следа» [1, с. 38]. В то же время сам по себе спор об этом был бы бесплоден; неизбежно встанут вопросы: не оставили следа — в какой литературе?; с какой точки зрения это непоследовательно?; да, «непосвященные», — но относительно чего?

Фактом остается по-прежнему существование в мире «двух культур». (Но я не стала бы пытаться критиковать саму эту ситуацию. Вряд ли стоит пока что жаловаться на это. Не очень хочется представлять себе, какой была бы культура на нашем **сегодняшнем этапе**, будь она одна.) Речь идет о содержании понятия «философия техники», о гуманитарном знании в этой философии. Конечно, о гуманизме речь особая: он не является прерогативой гуманитарной культуры; статус его весьма возрос в области технической интеллектуальной мысли. Вопрос в том, действительно ли возможно мыслить гуманизацию общества без гума-

³ У крупнейшего западногерманского социолога Х. Шельски было много оснований утверждать, что понятие человека в реальности XX в. стало фикцией, предметом идеологических манипуляций. Однако это не сделало приемлемой его модель «технического государства».

нитаризации важнейших параметров знания. Можно ли, абстрагируясь от гуманитарного знания и его специфики, постичь феномен техники? Если говорить об определениях той сферы познавательной деятельности, какой является философия техники, то, на мой взгляд, глубокую характеристику ее сути, ее задач дает Х. Сколимовски: «Философия техники,— подчеркивает он,— не должна пониматься как дисциплина чисто схоластическая. Необходимо прежде всего помнить о том, что философия техники возникла как результат критической оценки нашей цивилизации... Наш долг — философов, мыслителей, историков, инженеров и просвещенных граждан — ответить на те проблемы, которые мы как цивилизация породили» [4, с. 243].

Со стороны представителей современной позитивной, конструктивной философии техники больше всего нареканий вызывают абстрактный характер рассуждений философии о «человеке вообще», критика техники, страдающая «всеобщностью». Надо заметить, однако, что сама ситуация технического прогресса подводит сегодня к «всеобщности». Как возможно сейчас не ставить философского вопроса о «технике вообще», технике «как таковой», когда на данном этапе пик ее милитаристского развития привел к конфронтации со всем живым и поставил вопрос о праве человека «как такового» на жизнь, т. е. поставил вопрос, наиболее всеобщий из всех философских вопросов? Воздействие техники сейчас настолько универсально, что становится прямой и непосредственной ее связь с «человеком вообще», «историей вообще» как взаимозависимость технического развития и самого существования человеческого рода.

С другой стороны, происходящие процессы заостряют в философии XX в. тему индивида, «единичного»; я бы его назвала условно «остаточным» человеком в системе НТП. Еще не так давно Х. Шельски с достаточной аргументированностью и понятным подъемом развивал свою концепцию «научной цивилизации», где, отвергая обветшавшее идеалистическое понимание человека философией, констатировал фактически сложившийся новый статус современника — субъекта рациональной деятельности, демиурга, не поддающегося, правда, планированию, но безостановочно творимого технического универсума⁴ [5]. В то время как Шельски стремился устранить с пути научного прогресса идеалистический образ человека, западноевропейскую концепцию индивида по меньшей мере трехвековой давности, мешавшую адекватно понять новую эпоху, — примерно в эти же годы экзистенциалисты К. Ясперс, немногим ранее Г. Марсель, а также А. Камю и др. занимались всецело и только этим индивидом, поглощенные реальной судьбой того, кто вовсе не чувствовал себя субъектом — участником создания «технического универсума». Экзистенциализм, да и многие другие направления в философии, как бы увидел эту цивилизацию «изнутри», буднично, глазами индивида, которого болезненно коснулись процессы жизнеустройства общества на путях технизации и тотального обюроккрачивания, в условиях анонимности той регламентации существования, которой ему приходилось подчиняться, и выхолащивания доступного человеку смысла жизни.

Наблюдения, мысли, высказываемые по поводу эпифеноменов технического прогресса представителями самых различных направлений философской мысли XX в., не могут быть опровергнуты «с точки зрения науки»; можно оспаривать рекомендации в технополитике, но опровергнуть, отрицать наблюдения, интеллектуальный и духовный опыт, свидетельства человека нельзя.

Сегодня более, чем 20—30 лет назад, очевиден вклад в осмысление ряда аспектов научно-технической цивилизации таких «нетехницистских» направлений философии XX в., как экзистенциализм во Франции и Германии, персонализм и др. Это происходит в силу обострения, во многих случаях — драматизма ситуации человека, оказавшегося независимо от новых, высочайших достижений

⁴ Признавая ошибочность подобной идеи цивилизации, характерной для эпохи особого подъема технократизма, вовсе не хотелось бы умалить вклада в теорию выдающегося социолога. Как бы ни относиться к его концепции, он был действительно «философом техники», а не, если можно так выразиться, «техником техники».

научно-технического прогресса в каком-то смысле «отброшенным» назад, повернутым к самым основам своего существования: обнаружилась страшная картина незащищенности человека перед лицом технологических и экологических катастроф, технологических сбоев при определенной «агрессивности» техники (в частности, на стадии автоматизации), общего тревожного ухудшения экологической ситуации. Перед лицом этих универсальных процессов нет привилегированных, нет «субъектов» технической революции: как индивид каждый в свою очередь является объектом этой «бессубъектной», стихийной трансформации.

Все значительные философские учения о человеке, принадлежащие нашей эпохе, внесли в анализ хода и последствий научно-технического прогресса свой особый вклад. Тем более, что они сохраняли в поле зрения огромную сферу социокультурной и историко-культурной проблематики. Однако в новейшей западной философии техники, как и в нашей литературе сциентистской ориентации, эти поиски, сами эти направления: экзистенциализм, персонализм, различные течения философской антропологии, сама гуманитарная основа философии — рассматриваются как периферия актуальной научной мысли, едва ли не как научный провинциализм. Между тем предмет рефлексии философии, развивающейся на гуманитарной основе, — индивид, межличностное общение, мораль, культура — оказывается наиболее важным элементом **выживания** человечества в эпоху научно-технической цивилизации. (Именно область, где соприкасаются эти столь различные по своей методологии и языку сферы знания, гуманитарное и техническое знание, представляется областью наиболее продуктивной философской деятельности.)

Конечно, новые технологии обуславливают сущностно новый характер многих направлений развития общества. Все же в условиях широкого внедрения информационной и компьютерной техники вопросы, касающиеся человека, его будущего, будущего культуры, не только не снимаются, но заостряются⁵. Новыми процессами, большей частью ввиду того, что они ведут к замене духовного труда в беспрецедентном масштабе, затронут именно индивид: затронуты условия производства, встают проблемы безработицы, защиты личных данных, конкуренции «мирового интеллекта» и т. д.⁶ На этапе компьютеризации техника претендует уже на выполнение в масштабе общества культурно-коммуникативных и многих других исконно человеческих функций. Возникают новые структуры зависимости человека от техники, глубоко отличные от эпохи классической техники. Когда техника используется для эксплуатации, угнетения человека, всеми признано, что это социальное зло; для вытеснения, отстранения человека — тоже. Когда же она используется для замены человека (в определенном смысле как **вида**), создавая его подобие и суля ему самому при этом жизнь более совершенную, в том числе и в духовном плане, — это уже проблема скорее метафизического порядка, и она должна быть осмыслена на философском уровне.

На наш взгляд, огромное значение для реализации новых технологических возможностей в желаемом направлении имеет **собственный мир человека**. Думается, сейчас одна из задач философа — видеть и всеми доступными философии средствами сберечь «нетехническое», тот нетехнический мир человека, который постоянно **убывает**.

⁵ Ведь всякий существенный этап прогресса неизменно порождает надежды, которые связывались в первую очередь с самим потенциалом инноваций как способных обеспечить более человечный путь развития общества (например, в первые десятилетия века успехи биологической техники были направлены, как тогда казалось, на нужды человека, новые приоритеты науки; между тем интенсивное развитие биотехнологии повлекло за собой огромные опасности, связанные с наличием биологически активных средств, вмешательством в генетический код человека и т. п.). Так, достижения, новые этапы, надежды на собственный гуманистический потенциал новых научных открытий — уже были. Казалось, наука и техника вот-вот повернутся к человеку. И всякий раз оказывалось, что еще не повернулись. Схожая ситуация может повториться и с информатизацией общества.

⁶ Эти вопросы глубоко анализируются в философской литературе (см., напр., [6]).

Разумеется, здесь меньше всего имеется в виду «отрицать» технику, выступать с позиций антитехнизма. Нет, ведь речь идет о философской, т. е. о **непрактической** позиции, которая должна видеть, оценивать, сохранять все другие возможности, для того чтобы техника могла развиваться, эволюционировать в сторону человека. Думается, именно «всеобщие» проблемы философии — гарантии этого человеческого мира; они дают защищенность человеческими и историческими заботами от той абстракции, в какую превратился научно-технический прогресс в качестве самоцели, от гипостазирования тех процессов, которые сознанию эпохи могут показаться всепоглощающими.

История философии позволяет обнаружить **недогматическую**, глубокую связь философии с философией техники. Как на разумный и целесообразный шаг, пока — один шаг, в этом отношении хочется указать на введение в высших учебных заведениях нашей страны, в том числе технических, курсов истории философии, истории мировой культуры.

Список литературы

1. *Ropohl G.* Die unvollkommene Technik. F. a. M., 1985.
2. *Hortleder G.* Das Gesellschaftsbild des Ingenieurs. F. a. M., 1970.
3. *Huning A.* Das Schaffen des Ingenieurs. Düsseldorf, 1974.
4. *Сколимовски Х.* Философия техники как философия человека // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
5. *Schelsky H.* Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation // Auf der Suche nach Wirklichkeit. Düsseldorf; Köln, 1965.
6. *Смолян Г. Л.* Человек и компьютер // Социально-философские аспекты автоматизации управления и обработки информации. М., 1981.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

М. Д. ГОЛУБОВСКИЙ (ЛЕНИНГРАД)

ЛЮБИЩЕВ ПРОТИВ ЛЫСЕНКОВЩИНЫ: ИСТОРИЯ И УРОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Поздравляя Александра Александровича Любичева (1890—1972) с 70-летием, П. Г. Светлов признался, сколь многим в научном и духовном развитии он обязан своему старинному другу, которого называл «лидером оппозиции казенщине в философии». То, что это не преувеличение, станет ясно, когда будут изданы основные работы из архива Любичева в области истории, философии и методологии науки, прежде всего «Линия Платона и Демокрита в истории культуры», «Наука и религия», «Философия и наука», «Уроки истории науки» [1].

Слово «казенщина» лишь в слабой степени отражает ситуацию, сложившуюся в 20-е годы. Еще недавно казалось, что лысенковщина — нечто уникальное для советской науки и культуры и касается лишь биологии, что это результат случайного захвата власти в ней малокультурным фанатиком Лысенко. Теперь очевидно, что уже задолго до воцарения Лысенко, в конце 20-х годов, произошла «фронтальная деструкция культуры и социогуманитарной мысли», а место философии занял суррогат веры, «невежественно-агрессивный по отношению к общечеловеческой культуре и атмосфере свободного научного поиска» [2]. На рубеже 20—30-х годов произошли погромы целых научных направлений и репрессии их творцов. В разряд репрессированных наук попали социология и теория кооперации, демография, психология и педология, история. К руководству в науке пришли «ученые новой формации». Для них наука представлялась не самоценной областью человеческого духа, а лишь важным элементом построения социализма. Оказалось, что наукой можно руководить, управлять, как добычей полезных ископаемых или черной металлургией. Полное подчинение философии идеологии, а последней — конкретным целям административной системы и идеалу **этатизма** (государства как высшей ценности) привело к тому, что истина стала отождествляться с указаниями очередного временщика.

Уже в 30-е годы В. И. Вернадский в спокойной академичной манере констатировал пагубное для научной мысли положение, когда взгляды «философов-материалистов, значение которых в современной философской мысли, в мировом ее охвате невелико», не будучи никогда систематически изложены, под видом диалектического материализма стали государственной философией. Отклонение от них признавалось ересью и жестоко каралось. Место философии заняли, по словам Вернадского, «словесный талмудизм и формальная схоластика», «создалось новое развращение мысли». К сожалению, эти оценки Вернадского были опубликованы лишь в 1988 г. [3].